

УДК 81'364.001.76:811.161.1'373.43.(477.75)

**КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ
СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА)**

Чепурина И. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
e-mail: simgt@inbox.ru

Разговорная устная речь жителей Крыма исследуется как область реализации творческой грамматики. Анализ речевых фактов выявил морфологические инновации, иллюстрирующие креативный потенциал грамматической категории степеней сравнения.

Креативный потенциал категории степеней сравнения выявляется на основе сравнительных форм с нестандартной лексической базой. Анализируется контекстуальная семантика ненормативных форм сравнительной и превосходной степени, выявляется их коммуникативная направленность. Устанавливается, что самые яркие окказиональные единицы создаются от грамматически неизменяемого класса слов. Автор приходит к выводу, что использование в спонтанной речи морфологической категории степеней сравнения как творческой связано прежде всего с потребностью адресанта конкретизировать мысль, передать её более точно, адекватно, мобильно и экспрессивно.

Представленные в статье языковые факты отражают активные тенденции в русском языке начала XXI века и выявляют динамику современного языкового сознания, которая выражается в творческом использовании говорящим не только лексических и словообразовательных, но и грамматических ресурсов языка. В условиях непринуждённого устного общения они становятся эффективным средством создания прагматического потенциала речевого высказывания, обеспечивают его коммуникативный успех.

Ключевые слова: грамматическая категория, грамматическая форма, нестандартная словоформа, формы степеней сравнения, креативный потенциал грамматической категории, устная спонтанная речь, речевое высказывание, коммуникативный замысел.

ВВЕДЕНИЕ

Исследователи современной речи, в частности А. Б. Бушуев, характеризуя состояние социума XXI века, отмечают свойственный ему «цивилизационный слом, грандиозную социальную мобильность, социальную динамику, расширение объёма информации, на который *volens nolens* отвечает человеческое сознание» [2, с. 3], и, как следствие, современное состояние языка. Его безудержная либерализация, нарушения и разрушения запретов и норм, возникновение новых стилистических стандартов в новых медиа, по наблюдениям профессора В. А. Курдюмова,

изменяют соотношение литературной и разговорной составляющей: становится значительно меньше людей, владеющих и способных поддерживать владение литературным языком, чем просто говорящих «естественно» [6, с. 34]. Естественность, раскрепощённость, индивидуализация современной речи отражается в различных формах экспериментирования с языком, которое выявляет личное, творческое начало говорящего. Свобода речевого поведения, свойственная широкому спектру типов и жанров современной русской речи, проявляется сегодня не только на лексическом, но и на грамматическом уровне. М. Н. Эпштейн, анализируя «грамматическое творчество», отмечает, что грамматика, гораздо более консервативная, чем лексика, сейчас меняется так быстро, как никогда раньше в истории русского языка. Темп и направление этих перемен, по мнению исследователя, могут задаваться совместным творчеством практиков и теоретиков языка [13, с. 253–254].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Изменения в языке, как правило, связываются с появлением новых слов, поэтому традиционно большее внимание лингвистов привлекает креативный потенциал словообразовательной системы (Е. А. Земская, В. П. Изотов, М. У. Калниязов, А. Г. Лыков, Р. Ю. Намиткова, И. А. Нефляшева, Л. К. Никитина, Н. А. Николина, Т. В. Попова, Л. В. Рацибурская, Э. Е. Ханпира, Н. А. Янко-Триницкая). Создание же и употребление нестандартных грамматических форм попадает в фокус исследований только в течение последних десятилетий (Е. О. Борзенко, Л. А. Брусенская, Я. И. Гин, И. А. Ионова, Л. В. Калинина, Л. В. Курочкина, Б. Ю. Норман, Н. Е. Петрова, Т. Б. Радбиль, Е. Н. Ремчукова, Т. Г. Танасова, М. Н. Эпштейн и др.). Тем не менее, уже чётко очерчена и активно разрабатывается сфера грамматики, охватывающая различные формы и способы лингвокреативного мышления, направленного на «триединство» – форму, значение и функцию [7; 8; 11; 13]. К. А. Рогова в рамках дискуссии о новой базовой грамматике русского языка констатирует, что грамматическая семантика заняла важные позиции в современных исследованиях широкого языкового материала, находясь в сфере взаимодействия языка и мысли [12,

с. 6]. Морфология сегодня всё больше воспринимается не только как учение о формах, «но мыслится как сложная система соответствий между смыслами, составляющими содержание речи, и внешними формами выражения этих смыслов, формальными показателями» [4, с. 69]. При этом семантико-ориентированный характер описания грамматических явлений соединяется с системным и текстовым анализом языкового материала. По утверждению В. А. Плунгяна, «...язык функционирует именно в виде дискурса и ... именно дискурс является единственной наблюдаемой реальностью языка... и естественно ожидать, что в языке будет представлен арсенал средств, выражающих структурные и функциональные особенности в том числе и дискурсивных единиц. Грамматические категории составляют важную часть этого арсенала» [9, с. 8]. Значимость разговорного дискурса для грамматического описания русского языка доказывает утверждение А. А. Кибрика о том, что именно на бытовом спонтанном диалоге, в устной форме, с учётом просодии, должна основываться «естественная грамматика» русского языка [5, с. 36].

Проблема изучения креатива разговорного дискурса мотивирована тем, что этот феномен является ежедневным, общим явлением, в той или иной степени свойственным каждому носителю языка. Однако с точки зрения «живой», творческой морфологии (Е. Н. Ремчукова) разговорный тип текста, по сравнению с другими творческими типами русской речи, начинает изучаться сравнительно недавно (Б. Ю. Норман, Е. Н. Ремчукова, В. К. Харченко, М. Н. Эпштейн). С точки зрения креативного потенциала языковых, в том числе грамматических, средств устный спонтанный текст представляет особый интерес. Именно в этом типе речи, согласно О. Г. Ревзиной, «в условиях коммуникативного прессинга спонтанно мыслящий человек становится на секунду как будто отлучён от привычных языковых механизмов, тем самым вырывается из власти языка» [10, с. 306], в результате чего происходит неосознаваемое и незамечаемое «творение» нового слова или словоформы, «на которую наложен запрет и которая одновременно... является высшей славой и гордостью языка» [Там же].

Актуальность исследования определяется расширением спектра творческих текстов, выявляющих креативный потенциал русской грамматики, в частности морфологической категории степеней сравнения. Существенным является тот факт, что речетворчество в области грамматической науки сегодня активно рассматривается «не только как проявление индивидуальности языковой личности, но и как процесс обнаружения потенциала языка, не реализованного в узусе и норме» [3, с. 3].

Объектом исследования являются случаи употребления грамматических форм степеней сравнения в непринуждённой разговорной речи, в разной степени противоречащих норме – от минимального с ней расхождения (потенциальные формы) до яркой окказиональности (окказиональные грамматические формы).

Основной единицей анализа выступает высказывание (спонтанный текст из домашних диалогов, непринуждённых диалогов знакомых, неподготовленных высказываний и т. д. жителей городов Крыма), компактное пространство которого позволяет выявить особенности реализации грамматического смысла.

Цель статьи – проанализировать грамматические новообразования, вычлененные из устной непринуждённой речи жителей крымского города, на уровне грамматической категории степеней сравнения – в аспекте творческой деятельности говорящего, определить, как эти формы связаны с коммуникативной направленностью высказывания.

Согласно Е. Н. Ремчуковой, креативный потенциал русской грамматики формируют грамматические категории. Потенциал же самих категорий зависит от их типа – словоизменительного или классифицирующего, что определяет особенности их функционирования. Это обуславливает образование потенциальных и окказиональных грамматических форм [11, с. 209].

Как известно, в русистике существует несколько подходов к интерпретации категории степеней сравнения, которая квалифицируется как 1) факт формообразования (Е. И. Дмитриева, В. Б. Евтюхин, А. В. Качура, А. Н. Кирейцева, А. Л. Шарандин и др.); 2) факт словообразования (Л. А. Беловольская, И. Г. Милославский, А. К. Поливанова и др.); 3) «непоследовательно коррелятивная

категория» (А. В. Бондарко, С. В. Пивоварова и др.). Нерешённым остаётся вопрос относительно составляющих этой категории, а также условий, при которых возможно градуирование – варьирование степени проявления признака, качества объекта или явления, представляющее семантическую основу степеней сравнения [1, с. 13].

В исследуемом типе разговорных текстов креативный потенциал морфологической категории степеней сравнения проявляется прежде всего в нестандартной лексической базе сравнительных и превосходных форм. Они могут создаваться не только от качественных прилагательных, но и от адъективов иных разрядов, а также от других частей речи. Наш речевой материал выявил следующую лексическую базу нетривиальных форм сравнительной и превосходной степени:

1. **Качественные прилагательные**, имеющие с точки зрения нормативной грамматики ограничения в образовании синтетических или аналитических форм степеней сравнения в силу их морфологической структуры, семантики или происхождения. Ср.: [Школьница-подросток жалуется родителям:] *Новая математичка ещё **страннее** предыдущей: за пять минут до конца урока начинает объяснять новую тему.* Прилагательное *странный* – суффиксальное производное (суф. -ьн-) от *страна* в значении ‘чужая страна, народ’, заимствованное из старославянского языка. Первоначально относительное прилагательное ‘чужестранный, чужой’. [Из разговора между двумя женщинами в маршрутке о пребывании одной из них в больнице:] *Они сделали **деревянное** мясо.* *Деревянное* – элатив от качественного прилагательного, образованного путём перехода из относительного. [Из разговора между преподавателями вуза:] *И он взял её на диплом? Бедный Иванович. Ещё **более бедный**, чем с предыдущими двумя красавицами.* Аналитический компаратив *более бедный* образован от качественного прилагательного *бедный*, употреблённого в переносном значении ‘несчастный’, нормативно не имеющем форм степеней сравнения. [Ситуация в троллейбусе Симферополь – Ялта. Девушка-туристка рассказывает приятельнице о запомнившихся походах:] *Стояла **самая адская** жара летом, а он нас повел по Эчки-Дагу, где совсем не было тени.* Здесь *адский* – качественное прилагательное-интенсификатор в переносном значении максимальной, предельной степени

проявления признака. Это значение получает дополнительное грамматическое усиление – форму превосходной степени. Плеоназм *самая адская* имеет прагматическую направленность – используется адресантом как субъективно-оценочная интерпретация состояния погоды, в условиях которой проводилась экскурсия по тяжёлому маршруту. [В автобусе, который доставляет туристов к началу горного маршрута, экскурсовод, женщина средних лет, очень эмоциональная, делает беглый обзор пройденных маршрутов:] *Но, пожалуй, самый the best маршрут в этом году – это Татьянин грот.* Для передачи и усиления значения суперлатива в русскую грамматическую модель вводится английская лексема-варваризм со значением превосходной степени, сохраняющая свой английский артикль. Она эквивалентна качественному прилагательному «лучший». Функция – экспрессивно-эмоционально-оценочная, а также эстетическая: сказать точно, оригинально, привлекательно, выразить свою оценку маршрута и одновременно восхититься им.

2. Относительные прилагательные. Развитие нового качественного значения у таких адъективов обуславливает возможность образования от них синтетической и аналитической форм сравнительной и превосходной степени. Ср.: [Из вечернего диалога на кухне между мамой и дочкой-старшеклассницей:] *Мы смотрели рекламу, где соединили рекламу машины и фильма. Там всё это соединено. – Ищут способы сделать рекламу рекламнее.* Прилагательное *рекламный* подразумевает наличие определённых качеств, соотносящихся с названным им признаком: ‘информативность’, ‘сила воздействия на подсознание и желания’, ‘убедительность’, ‘оригинальность’, ‘эффективность’, т. е. таких, которые составляют идеал рекламной продукции. Форма компаратива *рекламнее* выражает интенсификацию этих качеств и приобретает контекстуальное значение ‘идеальнее’.

[Из разговора лаборанта и преподавателя филологического факультета о качестве одежды в советское время и современной:] *Чем старше купленная вещь, тем она качественнее, чем младше – тем однодневнее.* «Неправильная» словоформа *однодневнее* – это контекстуальный антоним к прилагательному *качественнее*, который является одновременно и лексическим, и грамматическим способом оригинально и экспрессивно выразить мысль о низком качестве современных товаров

народного потребления, в частности одежды и обуви. Актуализирует нетривиальную сравнительную форму и делает её оправданной в контексте однородный ряд с нормативными компаративами (*чем старше, тем...качественнее, чем младше... тем однодневнее*).

[Из обсуждения студентками КФУ творчества известной рок-группы:] *Последняя песня из нового альбома была более рокистической, чем предыдущие*. Аналитический компаратив, образованный от окказионального прилагательного, семантически соотносится с существительным «рок» в значении ‘один из видов эстрадной музыки 2-й пол. 20 в., включающий элементы фольклора, электронные эффекты и характеризующийся своеобразной манерой вокализации’. Нестандартная словоформа называет большую степень проявления качеств денотата «рок», отличающих этот вид эстрадной музыки от других.

Ср. также коммуникативно оправданные аналитические формы превосходной степени: [Член туристской компании своей спутнице, позирующей перед фотокамерой на фоне живописного горного озера в яркой туристической одежде, с новыми трекинговыми палками]: *Ты самая туристическая модель!* Превосходная степень указывает на высшую степень проявления качеств, которые связаны с признаком, названным прилагательным в сочетании *туристическая модель*, и несёт оценочное значение. Значимыми при этом оказываются такие элементы конституции, как место общения (живописное горное озеро), туристическая атрибутика (яркая куртка, новые трекинговые палки), поза адресата перед камерой, настроение адресанта после прогулки и т. д. Эти факторы придают рекламный стиль ситуативному контексту и порождают коммуникативную потребность в словосочетании с нетривиальной формой суперлатива.

Оценка может быть выражена более ярко. Ср.: [Покупательница продавцу в местном магазинчике в районе Автовокзала г. Симферополя молодому человеку лет 25, всегда охотно обслуживающему посетителей и любящему шутить]: *Саша, колбасы хочу купить какой-нибудь. – Возьмите вот эту, «Азовскую». Самая колбасная колбаса. Только получили и уже меньше половины осталось. Всем нравится. Вот, смотрите, пахнет колбасой, как настоящая*. Нестандартный

суперлатив используется в сочетании с лексемой, от которой он образован. Это так называемая реклама, где тавтологическая конструкция убедительно квалифицирует предмет и эмоционально-прагматически заряжает высказывание. Последующий контекст поясняет содержание грамматической формы, мотивирует её создание и использование.

Особый случай представляет нетривиальное употребление адъектива в составе устойчивых сочетаний, где морфологические трансформации компонентов запрещены. Окаzionale форма в таких сочетаниях актуализирует прежде всего экспрессивно-прагматический потенциал высказывания. Ср. употребление синтетического элатива в этикетном выражении: [Вошедшая в маршрутку женщина, радостно заметив на переднем сидении знакомую и подсев к ней:] *Очень добрейшее утро!* Нарушение запрета на грамматические трансформации здесь имеет эмоционально-экспрессивную и оценочную направленность и выступает дополнительным, морфологическим средством выражения искренней радости говорящего от встречи со знакомым человеком, их дружеских отношений. Эмоциональные коннотации эксплицированы намеренным со стороны адресанта плеоназмом: *очень добрейшее*. Сочетание грамматических и лексических средств задает яркий коннотативный контекст ситуации общения.

3. Синтетические компаративы от **адъективированных причастий**. Как известно, от адъективированных причастий образование аналитической формы превосходной степени закономерно так же, как и для прилагательных. Образование же синтетического компаратива в нормативном языке затруднено. В речи эти трудности могут легко преодолеваются. Ср.: [Родители восьмиклассников, у которых за учебный год третий раз меняется классный руководитель:] *С каждым месяцем наши дети все заброшеннее и заброшеннее, классный руководитель, один на два класса, уже третью неделю не показывается*. Заброшенные дети – это подростки, незаслуженно лишённые внимания, помощи и контроля со стороны школьных педагогов, снижающие успеваемость и теряющие интерес к учебе. С помощью необычной словоформы, выражающей интенсивность состояния, адресант передаёт степень беспризорности и одиночества класса, безысходность ситуации, тревогу

родителей. Семантика грамматической формы актуализируется контекстуально – однородным повтором лексем посредством союза. Повтор вносит дополнительные эмоционально-оценочные коннотации в высказывание.

Проанализированные языковые единицы, как правило, характеризуются незначительной степенью ненормативности и минимальным семантическим сдвигом. Они представляют потенциальные грамматические формы, которые заданы системой языка. Такие словоформы регулярны, предсказуемы и, чаще, низкоэкспрессивны.

Далее представим грамматические единицы, для которых характерна более нетривиальная лексическая база. В таких словоформах нарушение нормы очевидно, что определяет их яркую окказиональность.

4. Синтетические и аналитические формы степеней сравнения от имён существительных.

Имена существительные в спонтанной устной речи могут образовывать различные формы степеней сравнения. При этом говорящий выделяет как коммуникативно значимый весь комплекс признаков, который был присущ субстантиву до градуализации, или только определённые качества, свойства, особенности предметов, которые могут подвергаться градуализации (по отношению к современным речевым употреблением эти значения выделяются и подробно анализируются на материале современных интернет-текстов в диссертационном исследовании Е. О. Борзенко [1]). Например: [Из домашнего диалога. Мама дочери:] *Теста на пирог делай двойную порцию, так он **пироговее** получается. Если по рецепту – тонковато и больше на десерт похоже, а не на выпечку.* Компаратив *пироговее* омонимичен отадективной сравнительной форме. Контекст выявляет его отсубстантивную семантику, актуализируя весь комплекс значений существительного: *пирог* – ‘печёное изделие из раскатанного теста с начинкой’, и мотивирует использование окказиональной словоформы за счёт последующего пояснения её содержания. В речевом высказывании выделяются и подвергаются интенсификации такие коммуникативно значимые характеристики пирога, как ‘печёный’, ‘изготовленный из теста’, ‘с начинкой’. Семантика самой сравнительной

степени как категории здесь подстраивается под значение лексической базы, являясь показателем интенсивности не признака, а предмета, обладающего совокупностью признаков. Нестандартное грамматическое оформление имеет прагматическую направленность – убедить адресата изменить рецептные пропорции; [Небольшая компания молодых людей обсуждает тему перекуса в городе:] *Предлагаю «Медоборы». – В твоих «Медоборах» нет еды. Всё сладкое. – Да, самая еда там – это штрудель с вишней, он почти несладкий.* В понятии «еда» посредством нестандартного аналитического элатива актуализируется не весь комплекс признаков, свойственных субстантиву (*еда* – ‘то, что едят; пища’), а только определённый, причём предположительный признак, который, как коммуникативно значимый, и подвергается градуализации, а именно *еда* – это ‘не десерт, не сладкие блюда, а то, что обычно составляет первые или вторые блюда на обед’. Последующий контекст мотивирует семантику словоформы.

«Окачествлению» существительного и изменению его грамматического поведения способствует переносное употребление. Ср.: [Из домашнего диалога между мужем, творческой, камерной личностью, и женой:] *В каждом новом рабочем или домашнем помещении ты устраиваешь себе нору, и с каждым разом одна нора норее другой. Зачем? От кого так глубоко прятаться?* В существительном *нора*, употреблённом в переносном значении ‘маленькое, тёмное помещение, тесное жилище’, адресант выделяет и градуирует комплекс свойств, представленный в лексическом значении слова, а также дополнительные, предполагаемые качества – ‘отдалённая’, ‘изолированная’, ‘глухая’, которые адресат выводит логическим путём. Вероятно, они необходимы незаурядной личности, но не всегда понятны для окружающих. Актуализация грамматической формы имеет прежде всего эмоционально-экспрессивную направленность – выразить недоумение и неприятие такой организации собеседником своего жизненного пространства.

В речевом высказывании употребление нетривиальной грамматической формы может определяться только её эмоционально-экспрессивной направленностью. Например: [Из диалога между мамой и вернувшейся из школы дочкой:] *На последнем уроке уже не было 15 человек. – Ничего себе! В вашем классе в самые эпидемии*

столько не болело; [После грозового шквала женщина делится эмоциями с родственниками, живущими в другом районе Симферополя, где в то же самое время дождя не было:] *У нас сегодня был самый конец света – и ливень белой стеной, и град, и ураган, и гараж затопило, и в дом затекло...* Нестандартные аналитические формы степеней сравнения *самые эпидемии* и *самый конец света* сохраняют весь комплекс признаков, который был присущ им до интенсификации. Оценочные по своей семантике, исходное существительное *эпидемия* и фразеологическое сочетание *конец света* «втягиваются» в категорию степеней сравнения, в результате чего создаются нестандартные словоформы с эмоционально-оценочной и экспрессивной направленностью.

Таким образом, в отмеченных существительных происходит усиление признаковости за счёт актуализации заложенных в их семантике свойств посредством нестандартного грамматического оформления.

5. Самые яркие окказиональные употребления представлены формами, у которых в качестве лексической базы выступают **неизменяемые слова**:

а) несклоняемое прилагательное: [Девочка, надев папин модный свитер и поновому заколов волосы:] *Мама, как тебе моя причёска? – Причёска супер, но свитер ещё **суперее***. Окказиональный компаратив выступает как прилагательное-интенсификатор со значением повышенной степени проявления качества. В сочетании с наречием степени (*ещё суперее*) это значение получает дополнительную грамматическую и лексическую актуализацию. Плеонастическое сочетание задаёт яркую эмоционально-экспрессивную направленность оценочному высказыванию;

б) локативное наречие: [Летом в приморском курортном посёлке, на рынке. Женщина интересуется у дочек (лет 16–18), которым было поручено сделать покупки:] *Вы где кукурузу покупали? – На рынке, справа. – Там, где Дима раньше торговал? – Да, но только чуть-чуть **бокее***. Компаратив *бокее* семантически соотносится с наречием места, которое в условиях данного контекста приобретает пространственную шкалу: *бокее* – ‘более сбоку’.

в) модальное слово: [Мама дочке-школьнице о письме родительского комитета, направленного директору школы, с требованием устранить две существенные

проблемы:] *Подписалась подо всем, что есть в родительском письме. Конечно, освещение. Но ещё **конечнее** – ваши туалеты. Такого безобразия, наверное, нигде в стране не осталось. Конечно* – модальное слово, выражающее уверенность говорящего в реальности сообщаемого. Эта модальность в условиях контекста интенсифицируется и получает разную объектную направленность. Компаратив выступает средством выражения, с одной стороны, убеждённости говорящего в необходимости решить проблему с освещением, а с другой, показателем крайней озабоченности адресанта проблемой, более запущенной – школьных туалетов. Эмоционально-оценочная заряженность усиливается плеоназмом (*ещё конечнее*), что придаёт высказыванию тональность возмущения, которое эксплицируется последующим содержанием высказывания.

Таким образом, в устной спонтанной речи лексическая база для образования форм степеней сравнения не имеет частеречного ограничения. Понятие градуализации может быть применимо к любым объектам, способным иметь количественную характеристику, если в их значении есть элемент, который может варьироваться по степени интенсивности качества. Большей окказиональностью отличаются словоформы с нетривиальной лексической базой, в роли которой выступают имя существительное, а также неизменяемые слова различных частей речи, в частности неизменяемое прилагательное, наречие, модальное слово. Главной причиной появления таких форм, по нашим наблюдениям, является отсутствие подходящих языковых средств для передачи нужной адресанту семантики. Как свидетельствует анализ, некоторые виды семантики нестандартные компаративы и суперлативы выражают наиболее адекватно. Кроме того, неожиданные, «неправильные» формы являются эффективным средством оценки и эмоционально-экспрессивного воздействия, способствующими прагматической насыщенности высказывания.

ВЫВОДЫ

Окказиональные употребления в области грамматической категории степеней сравнения, выявленные нами в устной спонтанной речи, подтверждают современную квалификацию этого типа русской речи как творческого.

Значительное количество нестандартных сравнительных словоформ, мотивированных ситуацией общения и коммуникативной направленностью речевого высказывания, иллюстрирует высокий креативный потенциал данной категории, который реализуется в нетривиальных синтетических и аналитических формах как сравнительной, так и превосходной степени. Выделенные потенциальные и окказиональные новообразования имеют нестандартную лексическую базу. Потенциальные формы создаются от адъективных имён, имеющих с точки зрения нормативной грамматики ограничения в образовании форм степеней сравнения, и представляют предсказуемые и низкоэкспрессивные единицы. Для окказиональных словоформ в качестве исходных характерны имена существительные, а также неизменяемые слова различных частей речи – и, как следствие, семантические трансформации («окачествление» лексических единиц с непризнаковой семантикой), яркая оценочность и эмоционально-экспрессивная направленность.

Активное использование в устной спонтанной речи нестандартных грамматических форм степеней сравнения связано прежде всего с потребностью говорящего конкретизировать мысль, передать её более точно, мобильно и выразительно. Способность нетривиальных сравнительных форм передавать тончайшие, иногда уникальные оттенки смысла и эмоционально-оценочные нюансы, экспрессивно заряжать высказывание – на фоне общей тенденции к вербальной свободе, массовым инновациям, нарушению стандарта – превращает эти грамматические единицы в эффективный инструмент коммуникативного воздействия и позволяет прогнозировать их активность в разговорном дискурсе последующих десятилетий.

Список литературы

1. Борзенко Е. О. Нестандартные формы компаратива в современном русском языке: образование, употребление, семантика: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Борзенко Екатерина Олеговна. – М., 2018. – 188 с.
2. Бушуев А. Б. Русская лексика в динамике XXI века / А. Б. Бушуев // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: материалы IV Междунар. науч. конф. (Днепропетровск, 9–10 апреля 2009 г.) / сост. Т. С. Пристайко. – Днепропетровск: Пороги, 2009. – С. 3–7.
3. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1996. – 215 с.
4. Зиндер Л. Р. Л. В. Щерба – лингвист-теоретик и педагог / Л. Р. Зиндер, Ю. С. Маслов. – Л.: Наука, 1982. – 104 с.
5. Кибрик А. А. На пути к естественной грамматике русского языка / А. А. Кибрик // Сборник тезисов Международного научного симпозиума «Русская грамматика 4.0» (Москва, 13–15 апреля 2016 г.). – Москва: ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина», 2016. – С. 36–40. [Электронное издание].
6. Курдюмов В. А. Грамматические инновации: топиковые структуры и возможная трансформация русской литературной нормы / В. А. Курдюмов // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: материалы III Междунар. науч. конф. (Днепропетровск, 19–20 апреля 2007 г.) / сост. Т. С. Пристайко. – Днепропетровск: Пороги, 2007. – С. 33–39.
7. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего: От замысла к высказыванию / Б. Ю. Норман. – 2-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 232 с.
8. Норман, Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – 2-е изд. – М.: Флинта – Наука, 2012. – 344 с.
9. Плунгян В. А. Предисловие: Дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / ред. В. А. Плунгян (отв. ред.), В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева. – М.: Гнозис, 2008. – С. 7–36.

10. Ревзина О. Г. Поэтика окказионального слова / О. Г. Ревзина // Язык как творчество: сб. науч. тр. к 70-летию В. П. Григорьева. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – С. 303–308.
11. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики / Е. Н. Ремчукова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 224 с.
12. Рогова К. А. На пути к новой Академической грамматике / К. А. Рогова // Мир русского слова. – 2018. – № 2. – С. 5–12.
13. Эпштейн М. Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир / М. Н. Эпштейн. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 480 с.

References

1. Borzenko E. O. *Nestandartnye Formy Komparativa v Sovremennom Russkom Yazyke: Obrazovanie, Upotreblenie, Semantika: Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Nonstandard Forms of Comparatives in Modern Russian Language: Formation, Usage, Semantics]. Moscow, 2018. 188 p.
2. Bushuev A. B. *Russkaya Leksika v Dinamike XXI Veka* [Russian Lexis in Dynamics of XXI Century]. *Leksiko-grammaticheskie Innovatsii v Sovremennyh Slavyanskih Yazykah: Materialy IV Mezhdunar. Nauch. Konf. (Dnepropetrovsk, 9–10 Aprelya 2009 g.)*. Dnepropetrovsk: Porogi Publ., 2009, pp. 3–7.
3. Gridina T. A. *Yazykovaya Igra: Stereotip i Tvorchestvo* [Language Play: Stereotype and Creativity]. Yekaterinburg: Ural. Gos. Ped. Un-ta Publ., 1996. 215 p.
4. Zinder L. R., Maslov Ju. S. *L. V. Shcherba – Lingvist-teoretik i Pedagog* [L.V. Shcherba –Linguist Theorist and Teacher]. Leningrad: Nauka Publ., 1982. 104 p.
5. Kibrik A. A. *Na Puti k Estestvennoi Grammatike Russkogo Jazyka* [On the Way to Natural Grammar of Russian Language]. *Sbornik Tezisov Mezhdunarodnogo Nauchnogo Simpoziuma «Russkaya Grammatika 4.0» (Moskva, 13–15 Aprelya 2016 g.)*. Moscow: FGBOU VO «Gos. IRYa im. A.S. Pushkina», 2016, pp. 36–40. [Elektronnoe Izdanie].
6. Kurdyumov V. A. *Grammaticheskie Innovatsii: Topikovye Struktury i Vozmozhnaya Transformatsiya Russkoi Literaturnoi Normy* [Grammatical Innovations: Topic

- Structures and Possible Transformation of Russian Literary Norm]. *Leksiko-grammaticheskie Innovatsii v Sovremennyh Slavyanskih Yazykah: Materialy III Mezhdunar. Nauch. Konf. (Dnepropetrovsk, 19–20 Aprelja 2007g.)*. Dnepropetrovsk: Porogi Publ., 2007, pp. 33–39.
7. Norman B. Yu. *Grammatika Govoryashchego: Ot Zamysla k Vyskazyvaniyu* [Speaker's Grammar: From Idea to Utterance]. Moscow: Knizhnyi Dom «LIBROKOM» Publ., 2011. 232 p.
 8. Norman, B. Yu. *Igra na Granyah Yazyka* [Play on Verge of Language]. Moscow: Flinta – Nauka Publ., 2012. 344 p.
 9. Plungyan V. A. *Predislovie: Diskurs i Grammatika* [Foreword: Discourse and Grammar]. *Issledovaniya po Teorii Grammatiki. Vyp. 4: Grammaticheskie Kategorii v Diskurse*. Moscow: Gnozis Publ., 2008, pp. 7–36.
 10. Revzina O. G. *Poetika Okkazional'nogo Slova* [Poetics of Occasional Word]. *Jazyk Kak Tvorchestvo: Sb. Nauch. Tr. k 70-letiyu V. P. Grigor'eva*. Moscow: IRJa RAN, 1996, pp. 303–308.
 11. Remchukova E. N. *Kreativnyi Potentsial Russkoi Grammatiki* [Creative Potential of Russian Grammar]. Moscow: Knizhnyi Dom «LIBROKOM» Publ., 2011. 224 p.
 12. Rogova K. A. *Na Puti k Novoi Akademicheskoi Grammatike* [On the Way to New Academic Grammar]. *Mir Russkogo Slova*, 2018, no 2, pp. 5–12.
 13. Epshtein M. N. *Ot Znaniya – k Tvorchestvu. Kak Gumanitarnye Nauki Mogut Izmenyat' Mir* [From Knowledge – to Creativity. How Grammatical Sciences Can Change the World]. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr Gumanitarnyh Initsiativ, 2016. 480 p.

**CREATIVE POTENTIAL OF GRAMMATIC CATEGORY
OF DEGREES OF COMPARISON
(ON THE MATERIAL OF THE ORAL SPONTANEOUS SPEECH
OF THE CITIZENS OF CRIMEA)**

Чепурина И. В.

Colloquial oral speech of residents of Crimea is investigated as an area of implementation of creative grammar. Analysis of speech facts revealed morphological innovations, illustrating the creative potential of grammatical category of degrees of comparison.

The creative potential of the category of degrees of comparison is revealed based on comparative forms with non-standard lexical base. The contextual semantics of non-normative forms of comparative and superlative degree is analyzed; their communicative orientation is revealed. It is defined that the brightest occasional units are created from a grammatically unchangeable class of words. The author concludes that the use of morphological category of degrees of comparison as creative ones are primarily related to the need of the addressee to specify the thought, to convey it more accurately, adequately, mobile and expressively.

The presented language facts reflect active tendencies in the Russian language of the beginning of the XXI century and reveal the dynamics of modern linguistic consciousness, which is expressed in the speaker's creative use not only lexical and derivational, but also grammatical resources of the language. In conditions of easy oral communication, they become an effective tool creating the pragmatic potential of a speech utterance, providing their communicative success.

Keywords: grammatical category, grammatical form, nonstandard wordform, comparison degrees forms, creative potential of grammatical category, oral spontaneous speech, speech utterance, communicative plan.